

Русский семиотический альманах. Коллекция

Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов

Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху кризисов

Москва

Государственный академический университет гуманитарных наук
Международный Центр семиотики и диалога культур

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР
СЕМИОТИКИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Русский семиотический альманах. Коллекция

**Новая нормальность,
новые формы жизни:
семиотика в эпоху кризисов**

Ответственный редактор И.Г. Меркулова

International
Center
for Semiotics
and Intercultural
Dialogue

Москва
ГАУГН
2021

УДК 81.22
ББК А1
Н72

*Ответственный редактор, координатор
и переводчик проекта — И.Г. Меркулова*

**Новая нормальность, новые формы жизни: семиотика в эпоху
Н72 кризисов** / сост., общ. ред., пер. с фр., англ., исп. И.Г. Меркулова; лит.
редакция М.Г. Меркулова. — М.: ГАУГН, 2021. — 148 с. — (Русский
семиотический альманах. Коллекция).

ISBN 978-5-6045843-2-3

В книге представлены размышления современных ученых-семиотиков, а также представителей смежных дисциплин (лингвистики, антропологии, философии) в рамках международного онлайн-форума «Ответ на большие вызовы: семиотика в диалоге с гуманитарными науками» и круглого стола под эгидой Международной ассоциации семиотики и в сотрудничестве с Центром франко-российских исследований.

Форум был организован Международным центром семиотики и диалога культур Государственного академического университета гуманитарных наук в Москве. В течение первой и второй волн пандемии ученые из 12 стран мира (России, Франции, Бельгии, Испании, Италии, Китая, Литвы, Ирана, Аргентины, Колумбии, Азербайджана, Австралии) старались дать концептуально-философское осмысление происходящему санитарному кризису и его влиянию на нашу жизнь. Данный сборник подводит итог состоявшейся дискуссии.

Оригинальные тексты впервые переведены на русский язык с целью популяризации достижений мировой семиотической науки последних лет среди русскоязычных читателей, студентов ГАУГН и молодого поколения российских ученых-гуманитариев.

ISBN 978-5-6045843-2-3

© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Меркулова И.Г., составление, перевод, 2021
© ГАУГН, оригинал-макет, 2021

STATE ACADEMIC UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

INTERNATIONAL CENTER
FOR SEMIOTICS AND INTERCULTURAL DIALOGUE

Russian semiotic almanac. Collection

**New normality, new life forms:
semiotics in the era of crises**

**Nouvelles normalités,
nouvelles formes de vie :
la sémiotique en temps de crise**

**Nueva normalidad,
nuevas formas de vida:
semiótica en la era de las crisis**

General editor Inna MERKOULOVA

Moscow
GAUGH
2021

Жан-Мари КЛИНКЕНБЕРГ

БЕЛЬГИЯ

Jean-Marie KLINKENBERG

BELGIUM

*Заслуженный профессор семиотики и риторики
Университета Льежа,
Действительный член Королевской академии Бельгии,
представитель Бельгии в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Одно из самых заметных последствий сегодняшней мировой ситуации — это обильное и беспорядочное производство (хочется сказать *вирусное*, но это слишком явная метафора) всяческих речей. Каждый гражданин постоянно находится перед телеэкраном в ожидании новой, всё более обильной информации: мы видим, как «взрывается» количество постов в социальных сетях, как кризис расширяет читательскую аудиторию интернет-изданий и увеличивает число электронных подписок...

Этот взрыв — настоящий вызов наукам, изучающим дискурс: семиотике, риторике, лингвистике.

По-видимому, все эти дисциплины обладают достаточным инструментарием, чтобы анализировать новый предмет исследования. Несомненно, они способны адекватно описать функционирование каждого из типов дискурса, который мы сейчас слышим: научный, политический, медийный, бытовой. Анализ каждой из этих дискурсивных вселенных, который будут завтра проводить студенты и учёные, конечно же, покажет, что каждый из дискурсов подчиняется хорошо известным правилам. Вопреки общепринятому мнению, риторика научных дебатов по поводу коронавируса строится в соответствии с проверенным протоколом: гипотеза, сбор данных, метод анализа, выводы, передача результатов научному сообществу в форме публикаций, прошедших экспертную оценку. Все стараются

Вне всякого сомнения, момент истины настал. И филологическим наукам понадобятся средства, чтобы понять очевидную семиотическую нестабильность и сделать её предметом своего исследования. Им придётся разработать новые методы анализа, которые позволили бы показать, как различные семейства дискурсов встраиваются друг в друга сегодня, какие метаморфозы случаются с ними в процессе встраивания (потому что мутируют не только вирусы). Они будут вынуждены изучать эту запутанность, наблюдать за её модальностями, объяснять её эффекты и социальные функции. Филологическим наукам нужно будет найти способ, как нам теперь разговаривать с людьми на улице, как давать им рекомендации, в которых они нуждаются, чтобы ориентироваться в речевых дебрях (потому что необходимые всем защитные средства — это не только маски и перчатки).

В тот момент, когда мы как никогда нуждаемся в обретении смысла, науки о смысле и о языке несут особую ответственность, от которой они не могут отказаться.

Массимо ЛЕОНЕ

ИТАЛИЯ/КИТАЙ

Massimo LEONE

ITALY/CHINA

*Доктор философии,
профессор философии и семиотики Университета Турина,
профессор семиотики Университета Шанхая,
представитель Италии в Исполнительном комитете
Международной ассоциации семиотики IASS/AIS*

ЯЗЫК ПАНДЕМИИ

Можно ли предположить, что эпидемия коронавируса повлияла на наш язык? Думаю, пока ещё рано об этом говорить, потому что эпидемия ещё продолжается, принося с собой культурные измене-

---

ния. Необходим последующий анализ, чтобы всё выяснить. Также нужно будет уточнить, что имеется в виду: язык как способность общения в целом? вербальный язык? естественные языки? или другие знаковые системы? Конечно, некоторые тенденции прослеживаются уже сейчас, но не совсем чётко. До пандемии особенность нашего общения состояла в постоянной мобильности, наиболее часто задаваемый вопрос был: «Где ты сейчас?». Для тех, кто связывался друг с другом, будучи в разных странах, этот вопрос был естественным, потому что они предпочли сидячему образу жизни эстетически-кочевую игровую форму. Сегодня же этот вопрос больше не имеет смысла для большинства населения планеты. Все сидят дома, а тот, кто этого не делает, вынужден скрывать свои действия, чтобы не подвергнуться осуждению. Поэтому главный вопрос теперь не «Где ты?», а «Как ты?». Так мы возвращаемся в прошлое, когда не столь важно было знать, где находятся люди, а что с ними и как поживают члены их семьи.

Другая тенденция, типичная для бедственных ситуаций, — это единая тема для разговоров: в публичном или личном общении мы ни о чём другом не говорим. Вирус — самый главный герой всех разговоров. Чтобы сменить тему, нужно придумать парадоксальное высказывание, однако такое отступление длится недолго. По сравнению с другими знаковыми системами, коммуникация до пандемии часто основывалась на представлении себя другим. Ключевым коммуникативным форматом этой коммуникации были селфи. В период пандемии, конечно же, количество селфи значительно уменьшилось. Когда кривая пандемии только начинала расти, находились люди, которые считали маски поводом для шуток, но потом шутки закончились, а вместе с ними и маски. Остаются только «героические» селфи врачей и медсестёр, которые из селфи становятся портретами, потому что за ними нет ничего, дальше — только трагедия и смерть.

Для всех людей, включая VIP-персон и селебрити, необходимость представления себя другим сменилась желанием представить других себе. Человек сегодня чувствует себя одиноким, изолированным, лишённым контакта с другими людьми. В социальных сетях мы переходим от формата моноселфи к мультиселфи, мозаич-

---

ному коллективу, лоскутному изображению лиц в Zoom и на других платформах. Так мы уверяем себя и других, что мы не одиноки, что сообщество продолжает существовать, хотя бы виртуально. Фатическая функция языка, указывающая на существование канала связи, становится гипертрофированной, особенно среди новых пользователей платформ видеоконференцсвязи: они то и дело повторяют: «Вы меня слышите?», «Вы меня видите?» и т.п. Также подразумевается, что общий эмоциональный настрой публичного или частного общения отличается избытком эмоций в ущерб когнитивному содержанию. Впрочем, вполне вероятно и то, что из-за прерыва большинства видов нормальной деятельности нам действительно мало что есть сказать друг другу, мы можем только делиться впечатлениями, идеями, эмоциями или планами и действиями в отношении пандемии.

Пандемия коронавируса спровоцировала так называемую инфодемию, то есть распространение огромного количества информации, часто поступающей из непроверенных источников. Можно попытаться противостоять ей точно так же, как мы пытаемся противостоять пандемии. Но, к сожалению, вакцины не существует ни для одной из этих пандемий. Она могла бы существовать и быть произведённой раньше, но для этого понадобилась бы организация с комплексом превентивных мер, которых так сейчас не хватает, чтобы справиться и с пандемией, и с рисками инфодемии. Сейчас уже поздно. Когда пандемия пройдёт, надеемся, что вместе с инфодемией, тогда, не будучи в эпицентре опасности и страданий, необходимо будет продумать заранее, как улучшить инфраструктуру распространения информации, в том числе и путём автоматической организации. Очевидно, что в нынешнем чрезвычайном положении, чтобы защитить себя от пандемии, нет другого пути, кроме как самоизолироваться дома, избегая заражения себя и других и сохраняя только самый минимум жизненно необходимых контактов. Точно так же необходимо тщательно выбирать каналы коммуникации, отдавать приоритет наиболее авторитетным, причём не только с точки зрения общепринятого знания, но и с критических позиций. Но для того чтобы разобраться, какие источники авторитетные, а какие — лживые, требуется специальная подготовка, которую

должны давать хорошие университеты на отделениях журналистики и коммуникации.

Кроме того, мы нуждаемся в изменении менталитета. Мы должны перестать думать, что маска нужна единственно для того, чтобы защитить нас от других людей, и осознать, что она также предназначена для защиты их от нас самих. Так же точно нам требуется понять, что бороться с инфодемией можно только с помощью маски образования, причём маски двусторонней: с одной стороны это защита от потребления необоснованных идей, а с другой — препятствие для передачи таких знаний остальным людям. Мы все являемся переносчиками инфодемии, считая себя здоровыми, потому что даже не знаем, что распространяем фейковые новости, а когда замечаем это, то уже слишком поздно и нашими заблуждениями «заражены» сотни и тысячи людей. Осторожность необходима и когда мы слушаем, и когда говорим. Журналисты должны быть немного похожи на добросовестных медсестёр и помещать непроверенную информацию на карантин, ожидая, что она или окажется ложной, или исчерпает себя, или станет правдой. Однако слишком часто журналисты ведут себя, как рассеянные врачи, которые порой распространяют инфекцию, даже не зная об этом. Если же это происходит сознательно, то они заслуживают осуждения, как доктор, нарушивший клятву Гиппократова.

Пандемия изменила наши лица, лицо каждого человека. Прежде всего речь идёт о физических лицах: мы сидим дома на самоизоляции, нам не хватает лиц других людей или же, наоборот, мы чувствуем навязчивое присутствие лиц близких родственников и т.д. Порой всё идёт хорошо, и тогда мы заново открываем для себя любовь, дружбу, братство. Но бывает и наоборот, когда вы не можете выносить постоянное присутствие лица другого человека. В публичном пространстве лица тоже меняются из-за появления масок. Маска — предмет, к которому западный мир не привык, за исключением специфических ситуаций визита к зубному врачу или хирургу. Если речь идёт о посещении семейного врача, то там маска не обязательна. Теперь же мы видим маски повсюду, и они наделяют публичное пространство медицинским смыслом. Но есть и другие культуры, где этого не происходит. Например, для культур стран

Дальнего Востока маска — более привычный предмет. Частично это объясняется тем, что они пережили другие серьёзные эпидемии в прошлом, или тем, что стали жертвой террористических атак, нацеленных на дыхательную систему, таких как зариновая атака в токийском метро. Другая причина в том, что в азиатских странах совсем другое представление об индивидууме и обществе: маска надевается не только для защиты себя от других, но и для защиты других от себя. Маска там используется повсеместно, она превратилась в привычку и даже в предмет моды.

Тем не менее, я думаю, что мы не сможем полностью привыкнуть к маске. Как я пытаюсь доказать вместе с группой коллег-исследователей в моём европейском научном проекте FACETS, посвящённом репрезентации темы лица в современном обществе, именно лицо является главным интерфейсом в общении. Это очень важный социальный интерфейс, мы не привыкли видеть его закрытым, особенно ту его часть, которая включает нос и рот. Для нас рот ассоциируется с устной речью и улыбкой. Поэтому у нас складывается впечатление, что мы не можем нормально общаться с человеком в маске. Во многих культурах есть этот контраст, который проявляется на уровне лексики, в словах *лицо* и *морда*. Маска превращает наши лица в морды, но нам ничего не остаётся, как смириться и начать понимать, что этот предмет защищает и нас, и общество. Это предмет, за которым в один прекрасный день мы надеемся представить себе улыбку других людей, в ожидании того счастливого момента, когда для всего мира изобретут вакцину.

(Оригинал статьи представляет собой интервью на итальянском языке. Русский перевод основан на рабочей английской версии, предоставленной автором.)

---

ler dans des récits linéaires le fourmillement des événements qui y surviennent. Ce dévoilement du provincialisme nécessaire des discours sectoriels ne peut engendrer que désenchantement et inquiétude. De l'autre — *si parva licet componere magnis* —, ils révèlent que les sciences du discours ont elles-mêmes contribué à ce lissage: pour mieux assurer leur robustesse, elles ont refoulé le moment d'embrasser l'ondoyant et le complexe.

Sans doute ce moment est-il venu. Il leur faudra donc se donner les moyens de rendre compte de l'instabilité sémiotique dont l'évidence s'impose aujourd'hui, et en faire un objet de savoir. Il leur faudra mettre au point des techniques nouvelles, permettant de faire voir comment les familles de discours s'imbriquent aujourd'hui et, ce faisant, subissent des altérations et des métamorphoses (il n'y a pas que les virus qui mutent). Il leur faudra se mettre en mesure d'interroger cette intrication, d'observer ses modalités, d'expliquer ses effets et ses fonctions sociales. Il leur faudra encore trouver le moyen de parler à l'homme et à la femme de la rue, pour les munir des repères dont ils manquent pour s'orienter dans la jungle des discours (les équipements de protection dont nous avons besoin ne sont pas seulement des masques et des tabliers).

En ce moment où la demande de sens est plus forte que jamais, les sciences du sens et de la parole ont une lourde responsabilité, dont elle ne peuvent se défaire.

Massimo LEONE
*Turin University, ITALY/
Shanghai University, CHINA*

THE LANGUAGE OF THE PANDEMIC: AN INTERVIEW

Prof. Leone, how has our language changed since the advent of this coronavirus epidemic?

It is premature to say it; the epidemic is still ongoing and, with it, the cultural change it brings about; detachment and analysis will be needed

---

to find out; we should then specify: language as a general faculty of communication? Verbal language? Natural languages? The other systems of signification? Some trends can be glimpsed, however, but still inaccurately. Pre-pandemic communication was characterized by continuous mobility; the most frequently asked question was “where are you?”. Those connecting from remote would often do so because they had chosen ludic-aesthetic nomadism over sedentary lifestyle. That question no longer makes sense for most of the world population now. Everyone is at home, and anyone who is not at home is stigmatized and hides. The key question is, therefore, no longer “where are you?” but “how are you?”. It is a return to the past, we no longer care to know where people are but how they are, and how their family members are.

A second tendency, typical of calamitous situations, is the generalized thematic focus: in public and private communication, nothing else is mentioned. The virus is the absolute protagonist of conversations. To change the topic, one must launch into paradoxical statements. The diversion, however, is destined to not last long. As regards the other systems of signification, pre-pandemic communication was often based on the need to make oneself present to others. The key communicative format of this self-presentation was the selfie. During the pandemic, instead, selfies have decreased greatly. At the beginning of the pandemic curve, someone joked with masks, then the desire to joke stopped, and masks also ran out. Only the “heroic” selfies of doctors and nurses remain, which more than selfies are portraits, because they have nothing behind them, that is to say, all behind them is tragedy and death.

For all the others, also for the VIPs of the star system, the need to make oneself present to others has been replaced by the desire to make the others present to oneself. One feels alone, isolated, deprived of contact with other people. In social networks, we move from the format of the mono-selfie to that of the multi-selfie, of the checkered collectivity: for instance, the patchworks of face images on Zoom or other platforms. That is to reassure oneself and others that we are not alone, that the community continues to exist, albeit a virtual one. The phatic function of language, the one that probes the existence of a communication channel, becomes hypertrophic, especially among new users of video-conferencing platforms: *Do you see me? Can you hear me?* Etc. It is also presumed

---

that the overall emotional tone of both public and private communication is presently turning towards an excess of emotionality, at the expense of the cognitive content. Also, it is probable that, given the interruption of most normal activities, there is in fact not much to tell others if not one's impressions, ideas, emotions and actions planned or carried out with respect to the pandemic.

The Coronavirus pandemic brings about what is called an *infodemic*, that is, the dissemination of a huge amount of information, coming from different and often unverifiable sources. Is it possible to stem this tide? And how?

One can seek to stem the outbreak of the “infodemic” exactly as one tries to counter the pandemic. Unfortunately, a vaccine does not exist for either one. It could have existed, and could have been produced earlier, but this would have required a preventive organization that is lacking in terms of both the pandemic and the infodemic risk management. Now it is too late. When the pandemic will have passed, as it is hoped, and the infodemic with it, it will be necessary to think in advance, and not on the wave of danger and anguish, to improve the infrastructure of the circulation of information, also with automatic knowledge organization. In the current state of emergency, so as to defend oneself against the pandemic there is apparently no other way than to confine oneself in one's house and avoid contagion for oneself and for others, keeping only the contacts that are functional to daily life. In the same way, it is equally necessary to carefully select one's communication channels, choosing the most authoritative ones, and not only in the context of institutional and *mainstream* knowledge, but also in that of the criticism of it. Distinguishing what the authoritative sources and counter-sources may be, however, requires specific training, and it is exactly what good Universities should endeavor to provide with their teachings on journalism and communication.

Nevertheless, a change of mentality is also needed: just as we must stop thinking that the mask's only purpose is to protect oneself from others, and instead we must begin to understand that it is also meant to protect others from oneself, so we must understand that, against the infodemic, we need the mask of education, but this mask must be two-way: the infodemic mask must get us cautious not only about absorbing un-

---

founded ideas and knowledge, but also about spreading them around to others. We are all carriers of the infodemic, and very often we are healthy ones, in the sense that we do not even know that we are spreading *fake news*, and when we notice it, if we notice it, it is too late, we have already “infected” with our wrong ideas hundreds if not thousands of people. Caution is needed in listening, but caution is also needed in speaking. Journalists should be a bit like good nurses, and confine incorrect information into quarantine until it proves fake, and dwindles out, or either proves true, and can be published, but very often, too often, they are like distracted doctors who sometimes contribute to spread the infection without even knowing it. When they do it on purpose, then, they deserve to be blamed, like a doctor who fails to keep faith to the oath of Hippocrates.

In one of your latest works, you claim that the pandemic has changed our faces. Which faces are you referring to?

Everyone’s faces. First of all, the physical faces: we experience the absence of the face of the other because we are confined in our houses or we experience the obsessive presence of the face of the other, the family member, etc. Sometimes it goes okay, and then love, friendship, and brotherhood are rediscovered. Sometimes it goes badly, and then you can’t stand the continuous presence of the other’s face. Faces also change in the public space because of the appearance of masks. The mask is an object to which the western world is not accustomed, considering it normal only in some very specific scenarios: by the dentist or surgeon. Not even a visit to the family doctor would usually include the presence of a medical mask. Now, however, these masks are everywhere and bring with them a connotation of medicalization of the public space. There are other cultures where this does not happen. The cultures of the Far East are more accustomed to masks. Partly because they have gone through other very serious epidemics in the past, or for they have suffered terror attacks affecting the respiratory system, such as that with sarin gas in the Tokyo subway; another reason is that, in these Asian countries, there is a different idea of the individual within the community: the mask is worn to protect oneself from others but also to protect others from oneself. The mask has become so present that it has turned into a habit, even into a fashion object.

However, I don't think you can get used to the mask completely because, as I try to ascertain with a **group of researchers in my ERC research project**, FACETS, which deals precisely with the face in contemporary societies, the face is a fundamental interface in communication. It is a very important social interface, we are not used to seeing it covered, and above all we are not used to seeing this part of the face that includes the nose and the mouth covered. We associate the mouth with verbal language and smiling. We therefore have the impression that we cannot communicate well when someone with a mask speaks to us. In many human cultures there is this contrast, which is also noticeable in lexicon, between the face on the one side and the muzzle on the other. The mask transforms us a bit into muzzles, puts a muzzle on us; but we will have to get used to understand that it is an object that safeguards ourselves and the community, an object beyond which we hope to be able to imagine the smile of others one day, at least until a vaccination is hopefully found and worldwide spread.

(Interviewer: Stefano Palmieri, *News Service*, University of Turin. English version: Massimo Leone.)

Jacques DÜRRENMATT

Sorbonne University, Paris, FRANCE

CONFINER/DÉCONFINER: ENTRE CRÉATION ET RÉINVENTION

La vitesse avec laquelle une partie de la Chine, l'Italie puis la France se sont trouvées bloquées cet hiver a donné brutalement une actualité brûlante à un mot jusque-là peu employé: *confinement*. Le slogan qui a fleuri sur les panneaux publicitaires, aux fenêtres et aux balcons ne l'utilisait pas: « Restez chez vous! » a été la façon la plus simple et sans doute la plus efficace d'obliger une population habituée à toutes les libertés à prendre conscience que l'espace extérieur était devenu dangereux. La violence de l'impératif peut surprendre mais il s'agissait de responsa-